

Первая
НОСИТ чужие
СЕКРЕТЫ

МУНИРА ВАГИНА

18+

Мунира Вагина

Стерва носит чужие секреты

«Автор»

2026

Вагина М.

Стерва носит чужие секреты / М. Вагина — «Автор», 2026

Леру Воронову называют стервой. И она давно перестала спорить. Она умеет заставить любовницу исчезнуть, превратить скандал в недоразумение и похоронить чужой секрет так глубоко, что его не найдёт никто. За её молчание хорошо платят. А за ошибки — убивают. Но однажды человек, чьи тайны Лера хранила много лет, погибает. И почти сразу на её телефон приходит сообщение, от которого холодеют пальцы. Теперь кто-то знает о Лере слишком много. А расследование ведёт Максим Орлов — мужчина, которого она когда-то любила и бросила без объяснений. Он хочет докопаться до правды. Она знает: иногда правда опаснее любой лжи. Чем ближе Максим подбирается к разгадке, тем страшнее становится главный вопрос: чьи секреты всё это время носила Лера — чужие или свои? Роман о любви, предательстве, цене молчания и женщине, которую слишком долго считали бессердечной. В тексте присутствует грубая лексика.

© Вагина М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАВА 1. Цена молчания	5
ГЛАВА 2. Последнее сообщение	12
ГЛАВА 3. Следователь из прошлого	19
ГЛАВА 4. Сейф мёртвого	26
ГЛАВА 5. Чужая вина	32
ГЛАВА 6. Обрушенный дом	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Стерва носит чужие секреты

ГЛАВА 1. Цена молчания

Телефон зазвонил в шесть сорок утра, когда Лера Воронова стояла босиком на холодной кухонной плитке и ждала, пока закипит чайник.

Она не вздрогнула. Люди вроде Артёма Князева звонили не затем, чтобы пожелать доброго утра.

— Да?

— Ты где?

Голос у него был хриплый, раздражённый. Так говорил человек, который ещё не успел выпить кофе, но уже успел испортить кому-то жизнь.

— Дома.

— Через двадцать минут будь в гостинице «Северная». Номер четыреста двенадцать. И чтобы никто тебя не видел.

Лера посмотрела на серое окно. За ним мокрый город медленно вылезал из ночи.

— Кто умер?

На том конце повисла короткая пауза.

— Не смешно.

— Значит, не умер. Иначе ты бы не злился, а орал.

Князев выругался.

— Инга устроила сцену. Она собралась ехать к Ольге.

Ольгой звали его жену.

— Что случилось?

— Она увидела фотографии.

— Какие?

— Наши.

— Тогда это не кризис, Артём Сергеевич. Это последствия.

Он снова выругался, уже тише.

Князев не любил, когда ему напоминали: беда редко приходит одна. Обычно её сначала приглашают, оплачивают гостиницу и дарят кольцо с камнем.

— Разберись, — сказал он. — Для этого ты мне и нужна.

— Я думала, для работы.

— Не начинай.

— Я ещё даже не позавтракала.

— Лера.

Одно слово. В нём было всё: приказ, угроза, просьба и привычка считать её частью собственной системы. Князев не умел говорить «пожалуйста». Он покупал людей заранее и потом сердился, если те вдруг вспоминали, что у них есть свобода.

— Через двадцать минут буду, — сказала Лера.

— И возьми деньги.

— Сколько?

— Сколько потребуется.

— Это не ответ.

— Ты прекрасно знаешь, где лежит наличка.

Он отключился.

Чайник наконец закипел. Лера налила кипяток в чашку, бросила туда пакетик дешёвого чая и не стала ждать, пока тот отдаст воде цвет. На стуле лежал серый костюм, приготовленный с вечера. У Князева были люди для всего, кроме тех случаев, когда требовалось сделать невозможное приличным. Тогда появлялась она.

В гостиницу Лера приехала через двадцать три минуты. На ресепшене её уже знали и сделали вид, что не узнали. Это было одно из преимуществ дорогих гостиниц: здесь умели не замечать то, за что в других местах требовали объяснений.

В номере пахло дорогими духами, табаком и слезами.

Инга сидела на краю кровати в чёрном платье, босая, с размазанной тушью. Ей было двадцать восемь, хотя Князев уверял всех, что двадцать шесть. Возраст любовницы для женатого мужчины почему-то всегда являлся государственной тайной. На полу валялась сумочка, рядом блестел телефон с разбитым углом.

Князев ходил по номеру, застёгивая рубашку.

— Вот, — сказал он. — Объясни ей.

— Что именно?

— Что всё не так.

Лера сняла пальто и повесила его на спинку кресла.

— А что именно не так?

Князев посмотрел на неё с ненавистью человека, которому предложили подумать.

— Инга считает, что я её бросаю.

— Ты её бросаешь?

— Нет.

Инга подняла заплаканное лицо.

— Он сказал, что разведётся.

— Я сказал, что подумаю.

— Ты сказал, что Ольга тебе никто!

— Она и есть никто, если ты не будешь устраивать истерики.

Лера повернулась к окну.

— Артём Сергеевич, выйдите на пять минут.

— Почему это я должен...

— Потому что при вас она будет кричать, а без вас, возможно, начнёт слушать.

Князев открыл рот, но промолчал. Лера умела говорить с ним так, как не говорил никто: без страха, однако и без надежды на его благодарность.

Он вышел, хлопнув дверью.

Инга вытерла щёки ладонями.

— Он правда собирался уйти от неё?

— Нет.

— Вы даже не думаете?

— Думаю. Поэтому и говорю правду.

Девушка сжала пальцы.

— Он обещал квартиру.

— Квартира будет.

— А кольцо?

— Кольцо тоже.

— Но он любит меня.

Лера достала из сумки конверт.

— Любовь — это когда человек сам приходит. Артём Сергеевич прислал меня.

Инга посмотрела на конверт, будто там лежало не несколько пачек денег, а её собственное достоинство.

- Вы его секретарь?
- Помощник.
- Вы всё это делаете?
- Не всё. Только то, что оплачивается.
- Он женат.
- Это вы заметили раньше меня.

Инга отвернулась. За окном шёл дождь, и капли ползли по стеклу, сталкиваясь и разбегаясь. Лера не торопила. Она знала: большинство решений принимается не тогда, когда человек понимает правду, а когда ему становится слишком неудобно продолжать жить рядом с ней.

- Сколько здесь? — спросила Инга.
- Двести тысяч.
- Он думает, что я продамсья?
- Он знает, что вы не захотите продаваться дёшево.

Девушка посмотрела на неё с ненавистью, но конверт взяла.

Лера достала второй телефон — дешёвый, без записной книжки, — и положила рядом с сумочкой.

— Новый номер. Билеты до Сочи. Там вас встретит женщина по имени Марина. Она устроит вас в квартиру на месяц.

— А если я не поеду?

— Тогда вы позвоните его жене. Ольга подаст на развод, Ольга сможет потребовать раздела имущества, а вы получите известность на три дня и ненависть на всю жизнь. Впрочем, деньги у вас будут.

- Вы угрожаете?
- Нет. Я перечисляю варианты.

Инга долго молчала. Потом спросила:

— Вы когда-нибудь любили?

Лера застегнула сумку.

- Непрактичный вопрос.
- Значит, нет.
- Значит, я тороплюсь.

Через десять минут Инга уже сидела в машине, которую Лера вызвала к служебному входу. Через час Лера удалила фотографии из своего телефона и облачного хранилища, а подругу попросила удалить их из переписки. Через два часа курьер забрал у Инги ноутбук, а Князев получил сообщение: «Проблема решена».

Он ответил: «Умница».

Лера прочла и удалила сообщение.

В девять пятнадцать она вошла в офис строительной компании. В приёмной секретари сидели ровно, будто их выстроили по линейке. За стеклянной стеной двигались сотрудники, каждый нёс папку, телефон или собственную тревогу.

- Воронова, — тихо сказала одна из секретарей другой, — опять кого-то пристроила?
- Не кого-то, а очередную шлюху, — ответила вторая.

Обе замолчали, увидев Леру.

Она сняла пальто.

— Если собираетесь обсуждать мою работу, говорите громче. У стены плохая звукоизоляция.

Первая побледнела. Вторая опустила глаза.

Лера прошла дальше. За спиной кто-то прошептал:

— Стерва.

Слово легло на пол между столами и осталось там, как использованный билет.

Лера не обиделась. Стерва — это женщина, которая не плачет там, где от неё ждут слёз. Иногда это просто женщина, которая умеет считать.

До обеда она успела переделать три дела.

Сначала — счета. Бухгалтерия обнаружила перевод в размере восьми миллионов рублей на фирму, которой не существовало ещё месяц назад. Деньги ушли со счёта благотворительного фонда, принадлежавшего Князеву, и вернулись через две подставные компании на счёт фирмы-подрядчика.

— Это нельзя проводить, — сказала главный бухгалтер, сухая женщина с лицом, будто его вырезали из картона.

— Уже провели.

— А если придёт проверка?

— Она придёт.

— Тогда почему вы спокойны?

— Я не спокойна. Я просто не подаю виду.

Лера села рядом, открыла папку и достала новый договор.

— Выставите обратный счёт за аренду техники. Срок — прошлый квартал. К нему приложите акт на вывоз строительного мусора. Подпись поставит Жданов.

— Жданов в отпуске.

— Значит, подпись будет особенно убедительной.

— Это подделка.

— Нет. Подделка — это когда меняют содержание. Мы меняем только дату.

Бухгалтер посмотрела на неё с отвращением.

— Вы понимаете, что однажды сядете?

— Все однажды сядут. Вопрос в том, кто рядом окажется.

Вторым делом была жена Князева. Ольга позвонила в половине первого и потребовала объяснений по поводу списания денег с семейного счёта. Лера пригласила её на обед в ресторан напротив офиса, выслушала двадцать минут обвинений и сообщила, что деньги ушли на лечение одного из руководителей отдела.

— Артём умеет быть щедрым, — сказала Ольга, размешивая остывший суп. — Особенно когда речь не обо мне.

— Он ценит преданность.

— Преданность? Он спит со всеми женщинами, которые смотрят на него дольше пяти секунд.

— Не со всеми.

Ольга усмехнулась.

— Вы тоже?

Лера положила ложку.

— Нет.

Это была правда, и потому Ольга на мгновение растерялась.

— Почему?

— Я смотрю на него меньше пяти секунд.

Ольга рассмеялась впервые за весь обед. Лера предложила ей новый договор на содержание загородного дома, путёвку в санаторий и поездку к сестре в Прагу. Ольга выбрала поездку. Люди чаще всего успокаивались, когда им давали не объяснение, а билет.

Третье дело оказалось грязнее.

Князев вызвал её к себе около четырёх. В кабинете стоял его сын Кирилл — худой, бледный, с разбитой костяшкой пальца. Ему было семнадцать. На нём была школьная куртка, дорогая, но мятая, словно он спал прямо в ней.

Рядом находился начальник службы безопасности Князева, Вадим Корнеев. Его лицо не выражало ничего, кроме скуки.

— Расскажи, — велел Князев.

Кирилл молчал.

Лера посмотрела на Корнеева. Тот отвёл взгляд.

— Что случилось? — спросила она.

— Ночью сбили человека, — сказал Князев. — На машине компании.

— Кто был за рулём?

— Кирилл.

Парень резко поднял голову.

— Я не был.

Князев ударил ладонью по столу.

— Заткнись!

— Он не был, — повторил Кирилл, уже тише.

Лера поняла всё сразу. Наезд совершил Корнеев. Машина принадлежала компании. Корнеев был нужен Князеву, а семнадцатилетний сын казался удобной ширмой: несовершеннолетний, избалованный, привыкший к дорогим игрушкам и отцовским адвокатам. Для следствия такая история выглядела почти готовой.

— Пострадавший жив? — спросила она.

— В реанимации, — ответил Корнеев.

— Свидетели?

— Двое. Один запомнил номер.

— Камеры?

— На перекрёстке стоят.

— Запись уже забрали?

Корнеев впервые посмотрел на неё.

— Занимаемся.

Значит, не забрали.

Лера подошла к Кириллу.

— Ты был за рулём?

— Нет.

— Тогда сегодня ночью ты сядешь в машину отца, поедешь с адвокатом в отделение полиции и скажешь, что был.

— Нет.

— Не кричи. Здесь никто не спрашивает, хочешь тебе или нет.

— Я не буду отвечать за то, чего не делал.

— Тебе кажется, что речь идёт о справедливости. На самом деле речь идёт о том, кто сможет тебя защитить.

— А Корнеев?

— Корнеев исчезнет раньше, чем ты успеешь выучить первую статью обвинения.

Кирилл посмотрел на отца.

— Папа, скажи ей.

Князев молчал.

В этом молчании сын наконец понял, что отец не станет его спасать сам. Он нанял для этого Леру, как нанимают адвоката, уборщицу или человека, который выносит мусор.

— Тебе дадут условный срок, — сказала она. — Машина оформлена на компанию, но ты несовершеннолетний. Адвокат договорится. Ты скажешь, что взял автомобиль без разрешения, испугался и уехал. Пострадавшему оплатят лечение.

— А если он умрёт?

— Тогда ты скажешь, что не хотел этого.

— Но я не делал!

— Я слышу.

— Почему же вы заставляете меня признаться?

Лера наклонилась к нему.

— Потому что твой отец не собирается садиться вместо тебя. А Корнеев не собирается благодарить тебя всю жизнь. Через месяц он купит себе новую машину и забудет твоё имя. Твой отец забудет позже, но тоже забудет.

Кирилл побледнел.

— Вы чудовище.

— Возможно.

— Стерва.

— Это ты уже второй за день.

Он отвернулся.

Лера достала телефон и набрала номер адвоката. Ей пришлось говорить спокойно, точно и без пауз. Она назвала адрес, время, имя дежурного, номер машины и сумму, которую нужно перевести семье пострадавшего. В какой-то момент Кирилл перестал слушать и уставился в окно.

На улице темнело. В стекле отражался мальчик, которого отец собирался сделать взрослым одним признанием.

Когда адвокат приехал, Князев вызвал Леру в коридор.

— Ты слишком жёстко с ним.

— Зато он понял.

— Он мой сын.

— Тогда вам стоило самому взять вину.

Князев прищурился.

— Не переходи границы.

— Я каждый день хожу по вашим границам, Артём Сергеевич. И пока не падаю.

Он вынул из внутреннего кармана конверт.

— Здесь премия.

Лера не взяла.

— Сколько?

— Пятьсот.

— За любовницу, счета и сына?

— За всё сразу.

— Добавьте деньги на лечение человека, которого сбила ваша охрана.

— Это уже сделано.

— Тогда добавь ещё. Мало.

Князев смотрел на неё долго. В его глазах мелькнуло не раздражение, а усталость. На мгновение он стал старше своих сорока семи лет: тяжёлым, серым, человеком, который слишком часто покупал себе отсрочку и начал путать её со спасением.

— Ты ведь понимаешь, что без меня не справишься? — спросил он.

Лера взяла конверт.

— А вы понимаете, что без меня справитесь ещё хуже?

Князев улыбнулся.

— Вот за это я тебя и держу.

Она вернулась в кабинет. Кирилл уже сидел рядом с адвокатом и смотрел в пол. Лера положила конверт в сумку, записала на листке номер больницы и передала его Корнееву.

— Сегодня же оплатить лечение. Не через фонд, не через фирму. Наличными семье.

— А если они потребуют больше?

— Дадите.

— А если начнут шантажировать?

— Значит, научились у лучших.

Домой Лера приехала около одиннадцати. В квартире было тихо, только холодильник урчал в темноте. Она поставила сумку на стол, достала деньги и пересчитала их. Пятьсот тысяч. В тот же вечер она перевела половину в больницу, ещё часть — на счёт брата.

Саша лежал в больничной палате уже третью неделю. Операцию назначили через десять дней, если клиника получит всю сумму. Врач говорил осторожно, будто каждое слово могло поднять цену. Лера не верила врачам, но верила счетам.

Она открыла ноутбук. В почте ждали сорок семь непрочитанных сообщений. Среди них было одно от Князева, отправленное в 23:18.

«Завтра приедешь раньше. Нужно поговорить о старом карьере».

Лера перечитала письмо.

Потом закрыла ноутбук и долго сидела в темноте, не включая свет.

Она знала цену молчания. Знала, сколько стоит чужая измена, поддельная подпись, чужая кровь на чужом капоте. Знала, что деньги, которыми оплачивают тишину, никогда не бывают чистыми.

Но пока Саша лежал в больнице, а его операция зависела от очередного конверта, Лера не могла позволить себе быть хорошей.

Хорошие женщины иногда спасают совесть.

Лера спасала брата.

ГЛАВА 2. Последнее сообщение

Утром Леру разбудил не звонок, а тишина.

Телефон лежал на полу возле кровати. Экран светился новым сообщением. Она подняла его, шурясь от белого света.

«Не приезжай в офис. Сначала старый карьер. Одна».

Отправитель — Артём Князев.

Лера села на кровати. За окном занимался мутный рассвет, и дождь тонко царапал стекло. Она перечитала сообщение ещё раз. В нём не было ни приветствия, ни объяснения, ни привычного приказа с указанием времени. Только карьер.

Старый карьер находился за городом, у заброшенного известкового завода. Лера была там однажды — лет пять назад, когда Князев показывал ей участок под будущий жилой комплекс. Тогда он шутил, что в этих местах удобно прятать трупы. Артём любил такие шутки: произносил их за ужином, не меняя выражения лица, и ждал, когда собеседник перестанет жевать.

Лера набрала его номер.

Абонент недоступен.

Она позвонила снова. Потом ещё раз. Телефон молчал.

В шесть двадцать три в дверь позвонили.

Лера накинула халат, прошла в прихожую и посмотрела в глазок. На лестничной площадке стоял незнакомый мужчина в мокрой куртке. За его спиной виднелся второй — в форменной одежде.

— Кто?

— Полиция. Лера Воронова?

Она не открыла сразу.

— Документы покажите.

Мужчина поднёс удостоверение к глазку. Разглядеть его было трудно, но фотография и герб угадывались.

— Что случилось?

— Нам нужно поговорить с вами о Князеве.

Лера открыла дверь.

Мужчина представился старшим оперуполномоченным Сергеем Мельниковым. Второй оказался участковым, молчаливым и молодым, с мокрыми волосами и красными от холода руками.

— Артём Сергеевич погиб, — сказал Мельников.

Лера смотрела на него, не моргая.

Внутри что-то медленно отступило, будто человек вышел из комнаты и прикрыл за собой дверь.

— Где?

— В загородном доме.

— Когда?

— Предположительно ночью. Около двух часов его обнаружил охранник.

— Он упал?

Мельников задержал на ней взгляд.

— С крыши.

Лера обхватила себя руками. Халат оказался слишком тонким, квартира — слишком тихой.

— Несчастный случай?

— Пока рассматриваем основную версию — самоубийство.

Она усмехнулась, но улыбка не получилась.

— Князев не был человеком, который прыгает с крыши.

— Вы хорошо его знали?

— Лучше, чем большинство.

— Тогда поедemте с нами. Следователь хочет задать вопросы.

— Какой следователь?

— Дежурный следователь Орлов. Он руководит следственно-оперативной группой на месте.

Фамилия ударила не сразу. Сначала просто легла на слух, как любая другая. Потом раскрылась.

Орлов.

Максим.

Лера отвернулась к окну. На стекле дрожало отражение женщины в халате, с растрёпанными волосами и лицом, которое вдруг стало чужим.

— Мне нужно одеться.

— Десять минут, — сказал Мельников.

— Пять.

Она закрыла дверь спальни и достала из шкафа чёрные брюки, светлую рубашку, тёмное пальто. Руки не дрожали. Это было хуже: когда тело пугается, оно хотя бы признаёт правду. Её тело продолжало работать, как исправный механизм, которому забыли сообщить о смерти владельца.

На кухне она выпила холодный чай из вчерашней чашки. Есть не могла. Перед выходом открыла телефон и снова посмотрела на сообщение Князева.

«Не приезжай в офис. Сначала старый карьер. Одна».

Она не удалила его.

Загородный дом стоял на холме за высоким каменным забором. У ворот уже собрались две полицейские машины, автомобиль скорой помощи и чёрный внедорожник Корнеева. Дождь превратил подъездную дорогу в серую кашу. В саду мигали синие огни, разрезая утро на короткие холодные вспышки.

Охранник пропустил их после разговора по рации.

Князев лежал на газоне возле каменной террасы. Тело накрыли белой простынёй, но одна рука осталась снаружи. На пальце блестело обручальное кольцо — Ольга давно его не носила, а он надевал по привычке, когда встречался с важными людьми.

Лера остановилась в нескольких шагах.

Под простынёй угадывался человек, который ещё вчера звонил ей из кабинета и требовал платить чужие долги. Теперь он занимал столько же места, сколько мокрый плащ на спинке стула.

— Воронова?

Она обернулась.

Максим Орлов стоял у террасы, держа в руке блокнот. Лицо у него стало жёстче, чем она помнила. Четыре года назад оно казалось ей открытым — слишком открытым для такой жизни. Теперь в нём появились резкие линии, короткая складка между бровями и взгляд человека, который слишком часто видел чужую ложь.

Он узнал её сразу. Конечно, узнал. У некоторых людей память не хранит лица — она хранит причинённый ими ущерб.

— Максим.

— Не здесь.

— Где тогда?

— На месте происшествия.

— Я поняла.

Он посмотрел на неё с головы до ног, задержавшись на руках. Проверял, нет ли крови, грязи, чужого страха.

— Вы были с Князовым вчера вечером?

— До одиннадцати. Потом уехала домой.

— Кто это подтверждает?

— Камеры у офиса. Охрана. Водитель.

— Имя водителя?

— Алексей Грачёв.

Орлов записал.

— После одиннадцати вы ему звонили?

— Утром увидела сообщение.

— Какое?

Лера показала телефон.

Он прочёл текст, не касаясь экрана.

— Почему он отправил вас в карьер?

— Не знаю.

— Но собирались туда?

— Нет.

— Почему?

— Потому что он погиб.

— Вы решили, что сообщение связано с его смертью?

— А вы нет?

Орлов поднял глаза.

— Я пока ничего не решил.

Из дома вышла женщина в сером свитере. На ней не было пальто, волосы спутались, лицо распухло от слёз. Ольга Князева увидела Леру и остановилась.

— Вы знали? — спросила она.

Лера не ответила.

— Он вам написал? Перед смертью?

— Да.

Ольга подошла ближе и ударила её ладонью по щеке.

Удар вышел слабым, почти беспомощным. Лера не отступила.

— Это вы довели его, — сказала Ольга. — Вы все. Вы делали так, чтобы он думал, будто ему всё можно.

— Ольга...

— Не называйте меня по имени!

Орлов шагнул между ними.

— Ольга, пройдите в дом. С вами поговорит сотрудник.

— Она знала, что с ним происходит.

— Все знали, — сказала Лера.

Ольга посмотрела на неё, словно только сейчас услышала правду, от которой нельзя отмахнуться.

— А вы молчали.

— Да.

Сказать «нет» было бы легче. Поэтому она сказала правду.

В доме пахло кофе, мокрой одеждой и лекарствами. На лестнице остались грязные следы. Князев, вероятно, вышел на террасу один. На верхнем этаже следователи осматривали спальню и кабинет. Дверь на крышу была открыта, замок не повреждён. На перилах нашли отпечатки пальцев Князева.

— Никаких признаков борьбы, — сообщил Мельников. — Телефон обнаружили в кабинете. На столе лежала записка.

— Что в ней?

— «Так будет лучше».

Лера посмотрела на Орлова.

— И вы уже объявили это самоубийством?

— Предварительная версия.

— У него были проблемы?

— У кого их нет?

— Он не оставил бы такую записку.

— Вы уверены?

— Да.

— Почему?

Лера вспомнила вчерашнее письмо. «Завтра приедешь раньше. Нужно поговорить о старом карьере». Потом утреннее сообщение. Князев собирался что-то сделать, но не умереть. Он мог лгать, угрожать, прятать деньги, подставлять сына. Но смерть была слишком окончательным решением. Артём не уважал окончательность. Он предпочитал запасные выходы.

— Он не отдавал другим последнее слово, — сказала она.

Орлов внимательно посмотрел на неё.

— Вы говорите о нём так, будто знали его лучше, чем жена.

— Я знала его работу.

— Это разные вещи.

— Иногда нет.

В кабинет вошёл Корнеев. На нём была та же куртка, в которой он вчера стоял у Князева. Под глазами залегли тёмные круги. Он выглядел не убитым горем, а человеком, который плохо спал.

— Вадим Павлович, — сказал Орлов, — вы где были ночью?

— В доме. В гостевом крыле.

— Почему не слышали падения?

— Дождь шёл. Окна закрыты.

— Кто обнаружил тело?

— Охранник Лапин.

— А вы?

— Прибежал после его звонка.

Орлов записал ответы. Лера заметила, что Корнеев избегает её взгляда.

— Вы вчера разговаривали с Князовым после того, как Воронова уехала?

— Нет.

Лера повернулась к нему.

— Уверены?

— Да.

— Тогда почему в двадцать три сорок две вы звонили мне?

Корнеев поблел.

— Я вам не звонил.

— Звонили. Я не ответила.

— Мог ошибиться номером.

— Три раза подряд?

Орлов поднял голову.

— Почему вы не сказали об этом сразу?

— Потому что вы не спрашивали о пропущенных звонках.

— Теперь спрашиваю.

Корнеев провёл языком по пересохшим губам.

— Я хотел узнать, где Артём Сергеевич.

— Вы были его начальником охраны, — сказал Орлов. — И не знали, где он?

— Он часто уходил один.

— На крышу?

Корнеев промолчал.

Телефон Леры завибрировал.

Номер был неизвестным. Она открыла сообщение.

На экране появилась фотография Саши.

Брат сидел на больничной кровати в серой футболке, с подключённой к руке капельницей. Снимок был сделан через стекло двери, тайком. Саша смотрел в сторону, не подозревая, что его фотографируют. На обороте фотографии, снятой отдельно, виднелась рукописная надпись:

«Молчишь — он живёт. Говоришь — умрёт».

Лера перестала дышать.

Мир сузился до экрана, белой больничной стены и тонкой трубки, уходящей Саше под кожу.

— Что случилось? — спросил Орлов.

Она заблокировала телефон.

— Ничего.

— Вы побледнели.

— Мне написали по работе.

— Покажите.

— Нет.

Орлов сделал шаг к ней.

— Лера.

Он впервые назвал её по имени. Так он говорил когда-то, когда хотел остановить её на лестнице, у двери, в коридоре. Четыре года назад она ещё умела слышать в этом голосе нежность. Теперь слышала только требование.

— Не трогай меня, — сказала она.

— Я следователь.

— А я не подозреваемая.

— Пока нет.

Слова повисли между ними.

Лера вышла из кабинета. В коридоре пахло сыростью и чужим кофе. Она набрала номер больницы. Гудки шли долго, потом ответила медсестра.

— Палата Саши Воронова?

— Кто говорит?

— Сестра. Проверьте, пожалуйста, он на месте.

— У нас нельзя...

— Проверьте!

В голосе прорезался такой металл, что медсестра замолчала.

Через несколько секунд она сказала:

— Пациент в палате. Спит.

Лера закрыла глаза.

— Одна просьба. Никого к нему не пускайте. Ни под каким видом. Даже если скажут, что от меня.

— Но...

— Это важно.

Она отключилась и прислонилась к стене.

Четыре года назад Максим стоял на этой же стороне её жизни — рядом, слишком близко, с открытым лицом и нелепой верой, будто правду можно сказать один раз и навсегда. Лера ушла, потому что Князев показал ей фотографии Саши у больницы и объяснил, как быстро чужая болезнь может стать несчастным случаем.

Она не рассказала Максиму. Не могла. Он бы полез спасать её, а Князев убил бы Сашу.

Теперь всё повторялось, только Князев лежал под простынёй, а угроза пришла вслед за ним.

Орлов нашёл её у лестницы.

— Вы знали, что за братом следят?

— Нет.

— Кто прислал фотографию?

— Не знаю.

— Покажите.

Лера достала телефон и передала ему.

Максим прочёл сообщение. Лицо его изменилось незначительно, но она заметила: напряглась челюсть, пальцы сильнее сжали аппарат.

— Это уже не похоже на самоубийство, — сказал он.

— Я не просила твоего мнения.

— А я не спрашивал, чего ты хочешь.

Он вернул телефон.

— Кто знает о болезни брата?

— Князев. Я. Врачи.

— Ещё?

Лера посмотрела через окно на мокрый сад, где люди ходили вокруг накрытого тела, стараясь не наступать на траву.

— Корнеев мог знать.

— Почему?

— Он занимался моими расходами.

— Какими расходами?

— Операцией. Переводами. Счётами.

— Значит, угроза связана с деньгами?

— Или с тем, что я знаю.

Орлов протянул руку.

— Дайте мне телефон.

— Зачем?

— Я проверю, откуда пришло сообщение.

— Оно может исчезнуть.

— Поэтому и дайте.

Лера не отдала.

— Если ты заберёшь его, я потеряю связь с больницей.

— Купим новый.

— Ты всё ещё думаешь, что любую проблему можно решить покупкой?

— Нет. Я думаю, что некоторые проблемы нужно сначала зафиксировать.

Ей захотелось рассмеяться. Максим был всё тем же: уверенным, упрямым, неспособным понять, что иногда доказательство становится приговором ещё до суда.

— Я сама сохраню сообщение, — сказала она.

— Лера, если ты решила играть одна...

— Я всегда играла одна.

Орлов посмотрел на неё так, будто она сказала нечто болезненное и давно ожидаемое.

— Именно поэтому ты однажды исчезла.

Лера убрала телефон в сумку.

— Не начинай.

— Это не начало. Это продолжение.

Из гостиной донёсся голос Мельникова:

— Максим Сергеевич, нашли ещё кое-что!

Орлов отвернулся, но перед тем успел сказать:

— Сегодня вы никуда не едете одна.

— Это приказ?

— Совет.

— Я не пользуюсь советами от мужчин, которые опоздали на четыре года.

Он ушёл.

Лера осталась у окна. В саду дождь смывал следы с каменной плитки, но не мог смыть их с памяти. Под простынёй лежал человек, который купил её молчание. Теперь кто-то другой требовал его продолжения.

На экране телефона снова появилось уведомление.

Новое сообщение.

«Карьер. Сегодня. До полуночи».

Лера посмотрела на закрытую дверь кабинета, за которой Максим расспрашивал сотрудников полиции, потом на фотографию Саши.

Князев умер, но его голос продолжал отдавать приказы.

Она надела пальто и вышла из дома, не попрощавшись ни с кем.

ГЛАВА 3. Следователь из прошлого

Дождь встретил её у крыльца холодной ладонью. Лера спустилась по мокрым ступеням, не разбирая дороги, и направилась к своей машине.

— Воронова!

Она не остановилась.

— Лера, стой!

Максим догнал её у ворот и схватил за локоть. Не больно, но так, чтобы не вырвалась.

— Отпусти.

— Куда ты собралась?

— Домой.

— Врёшь.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которых собираешься защищать?

— Только с теми, кто пытается уехать с места происшествия после угрозы убийством.

— Я не подозреваемая.

— Пока нет. Но ты ведёшь себя так, будто уже знаешь, что найдут.

Лера резко освободила руку.

— А ты ведёшь себя так, будто ждал этого дня четыре года.

Максим замер. Дождь стекал с его волос на воротник куртки.

— В машину, — сказал он.

— Сам езжай.

— Я не предлагаю.

— Тогда задерживай. Составляй протокол. Зови понятых. Можешь даже надеть на меня наручники, чтобы окончательно успокоиться.

— Не испытывай моё терпение.

— Оно у тебя всегда было слабым местом.

Он посмотрел на неё, и в его лице проступило то, что не успел скрыть служебный голос: усталость, злость и старая обида, выжившая дольше любви.

— В машину, Лера.

Она села на заднее сиденье служебной машины. Максим устроился рядом, оставив между ними расстояние. Водителю велел ехать в городское управление.

Первые минуты они молчали. За окнами расплывались мокрые дома, вывески, остановки с людьми под зонтами. Лера держала сумку на коленях и время от времени проверяла телефон. Новых сообщений не было.

— Ты собиралась в карьер? — спросил Максим.

— Нет.

— А сообщение?

— Получила уже после того, как вышла из дома.

— Почему не сказала?

— Я сказала, что мне угрожают.

— Ты уходишь от вопроса.

— Другого не будет.

Максим повернулся к окну.

— Ты совсем не изменилась.

— Ты тоже. Только теперь у тебя удостоверение и право задавать вопросы, на которые сам не отвечаешь.

— Я отвечу.

— Кто передал Князеву сведения о моём брате?

Водитель едва заметно поднял глаза на зеркало.

Максим не пошевелился.

Лера смотрела на его отражение в стекле. Она не знала наверняка. В ту ночь, четыре года назад, Князев положил перед ней папку с фотографиями Саши и сказал, что узнал о больнице от человека, которому она доверяла. Имени он не назвал. Но за несколько часов до этого Максим просил её рассказать, где лежит брат и сколько стоит операция.

Он тогда хотел помочь.

Князев помог ему стать орудием.

— Не знаешь? — спросила Лера.

— Знаю, что ты четыре года назад исчезла без объяснений.

— Я спросила не об этом.

— Ты оставила ключи, записку и выключенный телефон. Что именно я должен был понять?

— Что тебе лучше без меня.

— Это ты решила?

— Кто-то должен был.

— Конечно. Ты всегда решала за двоих.

Служебная машина остановилась у управления. Максим вышел первым и не стал придерживать ей дверь. Раньше придерживал. Раньше вообще делал слишком много вещей, которые она принимала за право на будущее.

В дежурной части было жарко и пахло мокрой формой. За стеклом дежурный принимал звонки, рядом молодой сотрудник переписывал данные из какого-то заявления. Максим провёл Леру в кабинет следователя.

Комната выглядела так, словно её годами не покидали люди, которым некогда было жить: серые стены, шкаф с папками, электрический чайник на подоконнике. На столе стоял стакан с остывшим чаем. Рядом лежали фотографии с места происшествия.

Максим сел напротив и раскрыл папку.

— Беседа официальная, — сказал он. — Протокол ведёт дежурный помощник.

— Как торжественно.

— Фамилия, имя, отчество?

— Ты помнишь.

— Я задаю вопросы.

Она назвала данные.

— Род занятий?

— Личный помощник.

— Князева?

— До сегодняшнего утра.

— Что входило в ваши обязанности?

— Всё, что он не хотел делать сам.

— Например?

— Переговоры, документы, платежи, семейные скандалы, любовницы.

Помощник поднял глаза от бумаги.

— Последнее можно не вносить? — спросил он.

— Вносите, — сказал Максим.

Лера коротко хмыкнула.

— Серьёзное расследование.

— Когда вы последний раз видели Князева живым?

— Вчера около одиннадцати вечера.

- Где?
- В офисе.
- О чём говорили?
- О делах.
- Каких именно?
- О переводе денег.
- Каких сумм?
- Восемь миллионов рублей.
- Помощник перестал писать.
- Максим не изменился в лице.
- На чей счёт?
- Формально — на счёт подрядчика. Фактически деньги должны были уйти дальше.
- Куда?
- Не знаю.
- Вы подписывали платёжные документы?
- Исправляла.
- Значит, знали.
- Знать, куда исчезают деньги, и иметь возможность остановить их — не одно и то же.
- Князев угрожал вам?
- Он редко тратил слова впустую.
- Конкретнее.
- Да.
- Максим сделал пометку.
- Каким образом?
- Работа, деньги, брат.
- Ваш брат болен?
- Да.
- Князев оплачивал лечение?
- Частично.
- В обмен на что?
- Лера посмотрела ему прямо в глаза.
- На мою лояльность.
- И молчание?
- Это одно и то же.
- Вы были его любовницей?

Помощник снова замер.

Вопрос оказался не неожиданным, а грязным. Не потому, что был несправедливым, а потому, что Максим задал его ровно, без тени смущения. Когда-то он ревновал её к чужому телефонному звонку. Теперь хотел поставить её в один ряд с женщинами, которых она прятала по гостиничным номерам.

- Нет.
- У вас были интимные отношения?
- Нет.
- Вы его ненавидели?
- Иногда.
- Хотели его смерти?
- Иногда.
- Максим поднял глаза от бумаги.
- А сегодня?

— Сегодня я хочу, чтобы он перестал управлять моей жизнью.

В кабинете стало тихо. За стеной зазвонил телефон, кто-то крикнул, что нужна подпись начальника дежурной части.

— У Князева были враги? — спросил Максим.

— У него были люди, которые улыбались ему, пока он мог быть полезен.

— Назовите фамилии.

— Прокурор города.

Помощник перестал писать окончательно.

— Фамилия? — спросил Максим.

— Виктор Павлович Руднев.

— Почему вы считаете его врагом?

— Я не считаю. Я знаю, что Князев боялся его.

— Князев кого-то боялся?

— Однажды он сказал, что у Руднева длиннее руки, чем у закона.

Максим отложил ручку.

— Когда это было?

— Три недели назад.

— Кто ещё?

— Начальник строительного управления Сергей Лобанов. Корнеев. Несколько подрядчиков.

— А вы?

— Я была его инструментом.

— И всё же он доверял вам.

— Нет. Он доверял своей власти надо мной.

— Но перед смертью отправил вам сообщение.

— Да.

— «Сначала старый карьер. Одна». Почему, по-вашему, он направил вас именно туда?

— Потому что знал: я приеду.

— Вы собирались?

Лера промолчала.

— Воронова.

— Не знаю.

— Вы собирались туда до того, как узнали о смерти?

— Я собиралась понять, что происходит.

— Я спрашиваю не об этом.

— Другого у меня нет.

Максим встал и подошёл к окну. Во дворе курили два сотрудника, прячась под козырьком. Дым стоял неподвижно, будто и ему некуда было уходить.

— Четыре года назад ты тоже говорила, что другого ответа нет, — сказал он.

— Я не пришла сюда обсуждать наши отношения.

— А я не собирался.

— Тогда не приплетай их к делу.

— Они уже в деле. Ты скрыла от меня исчезновение, потому что решила, будто я не выдержу правды. Потом устроилась к человеку, который знал о твоём брате. Теперь этот человек мёртв, а ты получаешь угрозы. Скажи, что я должен думать.

— Думай что хочешь.

— Я думаю, что ты снова собираешься исчезнуть.

— Тебе не всё равно.

— Мне важно, чтобы подозреваемая не уничтожала доказательства и не ехала одна на встречу с людьми, которые только что пригрозили убить её брата.

— Ты говоришь так, будто тебе всё равно, кто я. А сам не сводишь с меня глаз.

— Я следователь.

— Нет. Ты человек, которого бросили, и теперь ему наконец выдали законное право мстить.

Максим медленно повернулся.

— Ты не бросила меня. Ты распорядилась мной.

Лера ощутила, как под рёбрами сжалось что-то старое.

Четыре года назад он стоял в её кухне с двумя билетами на поезд. Хотел увезти её к морю, хотя денег хватало только на дешёвую комнату и обратную дорогу. Саша тогда лежал в больнице, операция откладывалась, счета росли. Князев позвонил вечером и предложил выход: работа, деньги, защита. Взамен — полная доступность и молчание.

Лера оставила Максиму ключи в сахарнице.

Она могла сказать правду. Могла попросить помощи. Но знала его: он продал бы квартиру, полез бы к Князеву, взял бы кредит, пошёл бы на любую глупость, лишь бы спасти её. А Князев ждал именно этого.

— Я спасала брата, — сказала она.

— А меня заодно похоронила.

— Ты жив.

— Это не всегда одно и то же.

В дверь постучали. Вошёл Мельников, держа в руке пакет с вещами.

— Максим Сергеевич, нашли телефон погибшего. Он был не в кабинете, а в кладовой за панелью. Видимо, кто-то переложил.

— Кто обнаружил?

— Корнеев.

Лера посмотрела на Мельникова.

— Корнеев сказал, что телефон был в кабинете.

— Значит, соврал, — сказал Максим.

Мельников положил пакет на стол. Внутри лежал телефон Князева, мокрый, с разбитым углом.

— Ещё нашли след на перилах, — добавил он. — Не совпадает с отпечатками Князева. Максим взял фотографии.

— Чей?

— Пока не установили.

Лера встала.

— Я могу идти?

— Нет, — сказал Максим.

— На каком основании?

— На основании того, что вы свидетель, которому угрожают. Вам нужно дать показания и не покидать город.

— Мне нужно в больницу.

— Я поставлю охрану у палаты брата.

— Я сама разберусь.

— Ты уже разобралась. С Князовым, с его счетами, с его женой, с чужим сыном, на которого повесили наезд.

Лера медленно подняла голову.

— Ты знаешь про Кирилла?

— Знаю. Семнадцатилетний парень взял на себя аварию, которой не совершал. А настоящий водитель исчез из протокола.

— Это не твоя забота.

— Теперь моя.

— Ты хочешь посадить меня?

— Я хочу понять, сколько людей ты успела сломать, пока называла это спасением.

Слова попали точно. Лера почувствовала не боль, а усталость — тяжёлую, как мокрая одежда.

— Тогда начинай с Князева, — сказала она. — Он сломал больше всех.

— С него и начну.

— И не остановишься, пока не найдёшь виновную?

— Если виновна ты — нет.

Она взяла сумку.

Максим не преградил дорогу. Только сказал:

— Я отвезу тебя в больницу.

— Не нужно.

— Это не просьба.

— Тогда я выйду у входа и вызову такси.

— Можешь попробовать.

На мгновение им обоим стало почти смешно. Почти — потому что смех не пережил бы то, что стояло между ними.

Лера направилась к двери.

— Максим.

Он насторожился.

— Если с Сашей что-нибудь случится, я уничтожу всё, что связано с Князовым. Деньги, документы, людей. И себя заодно.

— Не угрожай мне.

— Это не угроза. Это предупреждение.

— Тогда запомни моё: не езжай в карьер одна.

— Я не обещаю.

— Я знаю.

Она вышла в коридор. Через стекло дежурной части виднелось серое утро, которое никак не хотело становиться днём.

Максим появился рядом через минуту. В руках у него были ключи от машины.

— Пойдём.

— Ты всегда был таким невыносимым?

— Нет. Раньше ты меня любила.

Лера остановилась.

— Раньше я была глупее.

— А теперь?

Она посмотрела на него. В его глазах не осталось ни прежней нежности, ни прежней доверчивости. Только злость, дисциплина и что-то ещё — то, что он тщательно прятал за служебной холодностью.

— Теперь я знаю цену людям, которые хотят меня спасти.

Максим открыл дверь.

— А я знаю цену тем, кто считает, будто спасения не заслуживает.

Лера села в машину.

За ними закрылись двери управления. В сумке лежал телефон с фотографией Саши, в памяти — сообщение Князева, а рядом сидел мужчина, от которого она когда-то ушла, чтобы сохранить ему жизнь.

Теперь он собирался вернуть её в собственное прошлое силой закона.

И впервые Лера не была уверена, что хочет от него сбежать.

ГЛАВА 4. Сейф мёртвого

Больница встретила их запахом хлорки, дешёвого кофе и мокрой одежды. У входа Максим предъявил удостоверение, назвал фамилию Леры, и охранник сразу отступил в сторону.

— Палата Саши на третьем этаже, — сказал Максим. — У двери будет сотрудник.

— Я не просила.

— Тебя никто не спрашивал.

— Ты быстро привык распоряжаться моей жизнью.

— Я учусь у лучших.

Лера бросила на него взгляд, но спорить не стала. В коридоре было тесно от людей: родственники сидели на пластиковых стульях, медсёстры торопливо проходили мимо, из процедурного кабинета тянуло лекарствами. У палаты стоял молодой сотрудник в форме. Он поднялся, едва увидел Максима.

— Лейтенант Серов, — представился он. — Дежурю до вечера.

— Никого не впускать без согласования, — сказал Максим.

— Даже меня? — спросила Лера.

— Тебя впускать.

— Какая честь.

Максим открыл дверь.

Саша спал, отвернувшись к окну. Его лицо казалось почти детским, хотя за последние месяцы болезнь вытянула из него всё, что делало его младше своих двадцати пяти лет. На тумбочке стояла кружка с остывшим чаем, рядом лежала раскрытая книга, которую он не читал.

Лера подошла к кровати и осторожно коснулась его плеча. Саша не проснулся.

— Когда операция? — тихо спросил Максим.

— Если деньги будут, через десять дней.

— Я договорюсь с врачом.

— Не надо.

— Я не предлагаю оплатить её из своего кармана.

— А из чьего?

— Из бюджета, если есть основания. Из фонда помощи. Через следственный комитет.

Способы найдутся.

— Ты не знаешь, как это устроено.

— Зато знаю, что молчание Князева не было единственным способом достать деньги.

— Ты правда веришь, что всё так просто?

— Нет. Но и не верю, что единственный выход — позволить ему держать тебя за горло.

Лера посмотрела на спящего брата. На его руке под пластырем темнела синяя точка от укола.

— Я должна кое-что забрать из офиса.

— Нет.

— Там документы по лечению.

— Какие?

— Счета, заключение врача, договор с клиникой.

— Я сам привезу.

— Тебе не найти.

Максим помолчал. Он прекрасно понимал, что она говорит не обо всех документах.

— В офисе работают следователи и криминалисты, — сказал он. — Всё опечатано.

— Тогда поедem вместе.

— Зачем?

— Чтобы я показала, где лежат бумаги.

— И чтобы ты случайно не нашла что-нибудь ещё?

— Если бы хотела сбежать с доказательствами, не сидела бы сейчас перед тобой.

— Ты сидишь здесь, потому что я не дал тебе уехать.

— Значит, у тебя хорошее мнение о себе.

Максим достал телефон и кому-то позвонил. Говорил коротко, без объяснений. Потом убрал аппарат в карман.

— Двадцать минут. После этого возвращаемся.

— Мне хватит пяти.

— Вот это меня и беспокоит.

В загородный дом они не поехали. Максим связался с дежурной частью и выяснил, что кабинет Князева находится в городском офисе, который ещё не успели полностью опечатать: там оставались сотрудники, документы и охрана. Лера сидела рядом с водителем, а Максим — впереди. Между ними лежала папка с разрешением на осмотр.

Город постепенно просыпался. Автобусы брызгали водой на тротуары, у пекарен собирались первые очереди. Люди шли на работу, ругались по телефону, покупали сигареты. У каждого была своя маленькая жизнь, и никто не знал, что в нескольких километрах от них влиятельного человека столкнули с крыши или он сам шагнул в темноту.

— Корнеев где? — спросила Лера.

— Не знаю.

— Ты не проверял?

— Проверял. Телефон выключен. Дом закрыт. Машина стоит у загородного дома Князева.

— Он мог уехать пешком?

— Корнеев не ходит пешком, если рядом есть машина.

— Значит, ему помогли.

Максим посмотрел на неё через зеркало.

— Ты говоришь так, будто знаешь его лучше меня.

— Я знала, что он врёт ещё до того, как ты нашёл телефон.

— Почему не сказала сразу?

— Потому что ты бы решил, что я отвожу подозрение от себя.

— А сейчас не отвожу?

— Сейчас мне всё равно, что ты решишь.

— Неправда.

Лера отвернулась к окну.

Офис Князева находился на верхнем этаже стеклянного здания, которое он сам построил для своей компании. Холл пах полированной плиткой и холодным металлом. На стойке у входа сидела секретарь — бледная девушка в белой блузке. Увидев Леру, она вскочила.

— Виктория, где остальные?

— Уехали. Почти все.

— Кто остался?

— Бухгалтерия на втором этаже. И Лобанов приезжал утром.

— Сергей Лобанов? — спросил Максим.

— Да. Он забрал какие-то папки.

— Во сколько?

— Около семи.

— На каком основании?

Девушка растерянно посмотрела на Леру.

- Он сказал, что это распоряжение Артёма Павловича.
- Князев к тому времени был мёртв, — заметил Максим.
- Я не знала, — прошептала секретарь.

Лера почувствовала, как в груди шевельнулось знакомое раздражение. Все вокруг Князева всегда знали ровно столько, сколько им позволяли.

- Его кабинет открывали? — спросила она.
- Только Лобанов.

Максим кивнул сотруднику, которого привёл с собой.

— Осмотрите второй этаж. Проверьте камеры за последние сутки. Никого не выпускайте без регистрации.

Лера направилась к кабинету Князева.

Дверь была распахнута. Внутри царил порядок, который выглядел подозрительнее беспорядка. На столе лежала раскрытая папка, рядом — ручка с золотым колпачком. Кресло стояло чуть боком, будто его отодвинули в спешке. На ковре темнело пятно от пролитого кофе.

Князев не любил пятен.

Он мог оставить без ответа письмо, забыть о встрече, не поздравить сына с днём рождения, но не терпел грязи на столе. Однажды заставил заменить весь ковролин в кабинете из-за следа от мокрого зонта.

Лера подошла к шкафу.

- Документы по лечению должны быть здесь, — сказала она.
- Где именно?
- В нижнем ящике.

Максим остался у двери, наблюдая за ней. Лера открыла ящик, перебрала папки. Счета, договоры, заключения, копии паспортов. Всё было на месте, кроме одного конверта.

Она достала нужные бумаги и положила их в сумку.

- Ещё что-нибудь?
- Нет.
- Ты врёшь.

Лера медленно закрыла ящик.

За шкафом находился сейф. Не тот, о котором знали бухгалтеры и заместители, а маленький вмурованный металлический ящик, спрятанный за фальшивой панелью. Князев однажды попросил её принести туда документы на загородный дом. Тогда он сказал, что доверяет ей больше, чем своей жене.

Лера ещё не знала, что это было не признанием, а способом проверить её преданность.

- Воронова.
- Я ищу бумаги.
- Бумаги не лежат за стеной.
- Ты слишком много смотришь телевизор.
- Я видел план кабинета. Там нет ниши.

Она провела пальцами по деревянной панели. На третьей доске обнаружилась едва заметная царапина. Лера нажала на край. Панель подалась с тихим щелчком.

Максим выпрямился.

За доской виднелся сейф размером с дорожный чемодан. Дверца была закрыта.

- Ты знала? — спросил он.
- Нет.
- Неубедительно.
- Тогда считай, что знала.
- Код?

Лера посмотрела на клавиатуру. Князев использовал даты, номера счетов, имена людей, которые считал своими. Она набрала день рождения Ольги. Ошибка. Потом дату основания компании. Снова ошибка.

Максим приблизился.

— Отойди.

— Я сама.

— Мы не знаем, есть ли внутри ловушка.

— Князев не был настолько умён.

— В этом я бы не торопился.

Она закрыла глаза. Перед смертью Князев написал ей: «Сначала старый карьер». Не просьба. Приказ. Но старый карьер появился в его жизни задолго до неё — ещё до компании, до больших денег, до загородного дома.

Лера набрала четыре цифры — год, когда Князев впервые показал ей карьер. Дверца щёлкнула.

Максим резко схватил её за запястье и оттянул назад. Несколько секунд они стояли неподвижно. Ничего не произошло.

— Можешь отпустить, — сказала Лера.

Он разжал пальцы.

В сейфе лежали три пачки денег, пистолет в кожаном чехле, документы на две квартиры и небольшая чёрная коробка. Лера достала её первой.

Внутри находилась старая магнитная кассета.

— Что это? — спросил Максим.

— Запись.

— Чего?

— Не знаю.

Под кассетой лежала записка. Всего одна строка, написанная рукой Князева:

«Если начнут копать — слушай до конца».

Максим забрал записку пинцетом, который ему подал сотрудник. Лера держала кассету и ощущала её вес — ничтожный, почти смешной. Из-за таких вещей люди теряли должности, дома и жизнь.

— Где проигрыватель? — спросил Максим.

Лера вспомнила маленькую комнату для совещаний на соседнем этаже. Там Князев иногда просматривал старые записи, хотя давно мог пользоваться более современными устройствами. Он говорил, что плёнка не стирает прошлое одним нажатием кнопки.

Они нашли магнитофон в шкафу с аппаратурой. Максим велел сотруднику проверить помещение и закрыть дверь. Лера вставила кассету.

Сначала послышался шорох. Потом — гул кондиционера и звон стекла.

— Дом на улице Тихой уже не удержать, — сказал незнакомый мужчина.

Лера узнала голос Лобанова.

— Удержать можно всё, если не считать расходы, — ответил Князев.

Третий голос был спокойным и вязким. Виктор Руднев.

— Не надо говорить о расходах так, будто речь идёт о ремонте дороги. Погибли люди.

— Погибли из-за ошибки подрядчика, — сказал Лобанов.

— Погибли из-за того, что в фундамент залили дешёвую смесь, — возразил Князев. —

И это сделали по вашему указанию.

В комнате стало тихо.

Лера почувствовала, как Максим посмотрел на неё. Она не отвела глаз от магнитофона.

— Ты обещал, что документы исчезнут, — произнёс Руднев.

— Документы исчезли, — ответил Лобанов. — Но инженер оставил копии.

— Фамилия?

— Беляев.

— Он готов говорить? — спросил Князев.

— Пока нет.

— Пока? — голос Руднева стал жёстче.

— Его жена работает в городской администрации. Можно надавить через неё.

— Не трогайте женщину, — сказал Князев. — Это привлечёт внимание.

— Ты вдруг стал осторожным?

— Я стал живым.

На плёнке зазвенела зажигалка.

— Есть ещё прораб, — сказал Лобанов. — Климов видел, как грузили остатки смеси. Он пьёт, но не дурак. Если инженер заговорит, Климов подтвердит.

— Значит, оба должны замолчать, — произнёс Руднев.

— Я не буду никого убивать, — сказал Князев.

— Ты уже убивал, когда подписывал акты.

— Не путай вину и распоряжение.

— Разницы нет, когда под завалами лежат дети.

Тишина длилась несколько секунд. Потом Князев заговорил тише:

— Руднев, если эта запись выйдет наружу, ты сядешь первым. Лобанов — следом. А я потяну за собой всю цепь. Не заставляйте меня выбирать, кому жить.

Максим нажал на кнопку и остановил плёнку.

— Назад, — сказал он.

— Зачем?

— Нужно переписать разговор дословно.

— Там всё понятно.

— Мне нужна запись в деле, а не твои воспоминания.

Он перемотал кассету. Вновь послышался голос Руднева, затем Лобанова, затем Князева. На этот раз слова ударили сильнее. Особенно последние.

«Кому жить».

Лера смотрела на вращающиеся катушки. Четыре года она считала Князева хищником, который просто умел лучше других договариваться с совестью. Теперь в его голосе звучал страх. Не раскаяние — страх человека, понявшего, что его собственные сообщники решили избавиться от него.

— Это могло быть записано давно, — сказал Максим.

— После обрушения дома на Тихой.

— Когда оно произошло?

— Два года назад.

— Восемь погибших, — ответил он. — И официальная причина — нарушение правил эксплуатации.

— Так в газетах написали.

— Я помню это дело.

Максим достал телефон, но не стал звонить.

— Где оригинал?

Лера молчала.

Кассета лежала на столе между ними. Чёрная, маленькая, с белой наклейкой без надписи.

— Лера, где оригинал?

— У меня.

— Я вижу.

— Нет. Я имею в виду, что теперь она у меня.

— Ты не можешь забрать её.

— Почему? Ты сам сказал, что это доказательство.

— Именно поэтому.

— Если я отдам её сейчас, запись исчезнет.

— Я не Руднев и не Лобанов.

— Но ты следователь, который уже знает, что мой брат находится под угрозой. Ты правда думаешь, что люди, способные убить инженера и прораба, не доберутся до кабинета следствия?

— Я обеспечу хранение.

— Ты не можешь обеспечить даже то, чтобы Корнеев не врал тебе в лицо.

Максим сделал шаг к ней.

— Отдай кассету.

— Нет.

— Не заставляй меня изымать её.

— Измай.

Они стояли близко. За дверью кто-то прошёл по коридору, и тень на матовом стекле на секунду стала похожа на человека с поднятой рукой.

Максим смотрел на Леру с такой злостью, будто хотел разбить не её, а стену, которую она возвела вокруг себя.

— Ты опять выбираешь одиночество, — сказал он.

— Нет. Я выбираю возможность дожить до утра.

— Если ты скроешь доказательство, станешь соучастницей.

— Я давно живу среди соучастников.

Лера спрятала кассету во внутренний карман пальто.

В ту же секунду в коридоре раздался резкий звук — будто упало металлическое ведро. Сотрудник у двери обернулся. Максим достал оружие.

— Всем оставаться на месте.

Снаружи хлопнула дверь. Послышались быстрые шаги, удаляющиеся к лестнице.

Максим выбежал первым. Лера — следом. В конце коридора качалась открытая дверь на пожарную лестницу. За стеклом мелькнула тёмная куртка.

Сотрудник рванул вниз, но через несколько секунд вернулся один.

— Ушёл.

Максим стоял у лестницы, сжимая челюсти. На полу лежал маленький кусок бумаги. Он поднял его и развернул.

Лера увидела знакомый почерк ещё до того, как прочитала слова.

«Не слушай вторую сторону».

Она почувствовала, как кассета под пальто стала горячей.

— Кто это написал? — спросил Максим.

— Князев.

— Тогда он жив?

Лера подняла глаза.

В коридоре было пусто. Только лампы гудели под потолком, и из кабинета доносился слабый щелчок остановившегося магнитофона.

— Нет, — сказала она. — Но кто-то очень хочет, чтобы мы так подумали.

ГЛАВА 5. Чужая вина

Максим посмотрел на клочок бумаги ещё раз, теперь без той поспешности, с какой поднимают с пола угрозу.

— Похожий почерк — ещё не подпись, — сказал он.

Лера сунула руки в карманы. Правой ладонью прижала кассету, левой нащупала смятый больничный пропуск. Тонкий картон размок на сгибе.

— Ты сам спросил.

— А ты слишком быстро ответила.

Внизу хлопнула дверь. Вернувшийся сотрудник остановился у лестницы, переводя дыхание.

— Выход во двор. Там разгрузка, две машины. Водители никого не видели.

— Пусть запишут их данные. И выяснят, кто сегодня открывал служебный вход.

Максим больше не смотрел вслед убежавшему. Это беспокоило сильнее, чем погоня: теперь всё его внимание досталось ей.

— Вернёмся в комнату.

— Мне надо позвонить брату.

— Звони.

Лера не двинулась.

Он понял.

— Я буду за дверью.

В комнате для совещаний пахло нагретой пылью. У магнитофона запала кнопка, и Лера зачем-то поддела её ногтем. Пружина щёлкнула. Такой обыкновенный звук, что захотелось сесть на пол и остаться там, пока кто-нибудь другой не решит, как ей жить дальше.

Саша ответил после шестого гудка.

— Ты чего так рано?

Голос был сонный, недовольный. Она чуть не засмеялась.

— Ты завтракал?

— Нет, решил начать новую жизнь с голодания.

— Я серьёзно.

— Кашу дали. Лер, что за парень у двери?

Она прикрыла глаза.

— Охрана.

— У меня теперь есть что охранять?

— После смерти Артёма Павловича проверяют его окружение.

— Я даже не его окружение. Я приложение к твоей трудовой книжке.

В трубке что-то зашуршало. Брат устраивался удобнее, подтягивал к себе подушку; она знала эти звуки лучше собственного дыхания.

— Ты там не натворила ничего? — спросил он.

— Нет.

Ложь далась без усилия. Вот что было страшно.

— Если кто-нибудь придёт, сначала звони мне. Сотрудники компании, знакомые, кто угодно. Сам никуда не выходи.

— Даже в уборную?

— Саша.

Он помолчал.

— Хорошо. Только ты тоже ешь. У тебя голос такой, будто ты опять на кофе и ненависти.

Она отключилась, пока могла ещё ответить ровно.

Максим вошёл не сразу. Постучал костяшкой пальца в стекло, дождался её кивка. Эта ненужная вежливость вдруг разозлила: четыре года назад ему следовало так же постучать, прежде чем лезть туда, где её жизнь уже трещала по швам.

— Жив? — спросил он.

— Не употребляй это слово.

Орлов остановился у стола.

— Хорошо. Как он?

— Устал. Хочет домой.

— Серов на месте. Смена будет без перерыва.

Она кивнула и потянулась за сумкой.

— Лера. Кассету ты не унесёшь.

— Мы уже поговорили.

— Нет. Мы наговорили друг другу лишнего. Это другое.

Он отодвинул стул, но не сел.

— Ты услышала фамилии. Поняла, что запись может пригодиться. Испугалась. Всё это я понимаю. Но носить её по городу в кармане — не защита.

— А положить в шкаф с печатью — защита?

— Хотя бы начало. Изъятие оформим здесь, при специалисте, с видеозаписью. Упаковку подпишешь. Попросишь копию протокола — получишь. Никакого «дай, потом разберёмся».

Лера смотрела на его руки. Он держал их на спинке стула, не протягивал к ней. На указательном пальце белел старый шрам от консервной банки: однажды они ели персики прямо на кухонном полу, потому что стол ещё не купили.

Она ненавидела свою память за выбор подробностей.

— Вторую сторону тоже будете слушать?

— Будем. Но не на этой рухляди. Она уже жуёт край ленты.

— Очень вовремя.

— Что?

— Техника подвела именно там, где стало интересно.

Максим выпустил спинку стула.

— Ты сейчас обвиняешь меня или проверяешь, сколько я выдержу?

Лера достала кассету.

Пластмасса была тёплой. Она положила её на чистый лист, который он придвинул по столу, и тут же убрала ладонь, будто могла передумать от одного прикосновения.

— Я хочу видеть, как её упаковывают.

— Увидишь.

Оформление заняло почти час. Пришёл специалист с камерой и чемоданом. Кассету сфотографировали, описали наклейку, царапины, положение ленты. Обе записки упаковали отдельно. Лера следила за каждым движением, прочла протокол дважды и лишь потом расписалась.

Когда пакет исчез из виду, под пальто стало холодно.

Теперь у неё оставался только телефон.

* * *

Для дополнительного допроса Орлов выбрал соседний кабинет. Здесь сидел кто-то из бухгалтеров: на подоконнике росла герань в обрезанной бутылке, к стене была приклеена таблица платежей, а под столом стояли домашние тапочки с продавленными задниками.

Лера посмотрела на них и ощутила зависть к незнакомой женщине, которая могла прийти на работу и переобуться.

Максим включил настольную лампу. Верхний свет бил прямо в глаза.

— Снова официально? — спросила она.

— Да.

Он разъяснил ей права, в том числе право не свидетельствовать против себя и близких. Спросил, нужен ли адвокат.

— Сейчас нет.

— Если передумаешь, скажи.

— Ты стал очень предупредительным.

— Я стараюсь не оставить тебе повода потом заявить, что ты не понимала вопросов.

Она уселась глубже, положила сумку на колени.

Первые вопросы были простыми: где стоял магнитофон, кто входил в комнату, какие голоса она узнала. Лера отвечала точно. Назвала должности Лобанова и Руднева, объяснила, на каких встречах слышала их раньше. Отдельно уточнила: знала голоса, но не могла утверждать, что запись не смонтирована.

Максим записал без замечаний.

— О чём ты подумала, когда услышала фамилию Беляева?

— Об инженере.

— Ты была с ним знакома?

— Нет.

— С Климовым?

— Тоже.

— Князев поручал тебе связываться с ними или с их родственниками?

— Не помню.

Ручка остановилась.

— Не помнишь или не поручал?

Лера погладила большим пальцем металлическую застёжку сумки.

— Мне присылали десятки фамилий. Заказать пропуск, перенести встречу, найти номер.

Я не составляла жизнеописаний.

— После обрушения дома на Тихой какие поручения ты выполняла?

— Переносила встречи. Отвечала на звонки.

— Чьи?

— Журналистов. Подрядчиков. Родственников погибших.

Он поднял голову.

На стене негромко тикали часы. Батарейка садилась: секундная стрелка вздрагивала, не сразу одолевая очередное деление.

— Что ты им говорила?

— Что с ними свяжется юрист.

— Связывался?

— Откуда мне знать?

Максим ничего не ответил.

Она вспомнила женщину, которая звонила три дня подряд. Не плакала, не угрожала — просила отдать вещи мужа, оставшиеся в бытовке. Синюю куртку, документы и термос. Особенно термос: подарок дочери. Лера перевела звонок в юридический отдел. На четвёртый день номер уже не высветился.

— Я не руководила стройкой, — сказала она.

— Я об этом не спрашивал.

— Но подумал.

— Не отвечай за меня.

Лера выпрямилась.

— Попробую. Чужие ответы у меня всегда получались лучше собственных.

Он перевернул страницу.

— Кто знал, что вы с Князевым можете искать что-то в старом карьере?

— Мы ничего не искали.

— Ты понимаешь вопрос.

— Только ты. Я показала сообщение.

— Корнеев знал?

— Не знаю.

— После смерти Князева тебе угрожали?

Она ждала этого и всё равно почувствовала, как затвердел язык.

— Записку ты видел.

— Помимо неё.

— Нет.

Максим опустил ручку.

— В загородном доме ты посмотрела в телефон и переменилась в лице. Потом заговорила о больнице.

— У меня умер работодатель. Брат ждёт операцию. Прости, что лицо не выдержало.

— Кто тебе написал?

— Из клиники.

— О чём?

— О деньгах.

Ответ оказался слишком коротким, гладким. Лера поняла это сразу.

— Покажи.

— Там сведения о здоровье Саши.

— Мне не нужен диагноз. Нужны время и отправитель.

— Я удалила.

Максим откинулся на спинку стула. Она видела, как он медленно втянул воздух носом.

— Значит, никакой угрозы не было?

— Нет.

За окном с грохотом прокатили мусорный бак. Этот звук заполнил паузу, избавил её от необходимости слушать собственное сердце.

— Тогда почему ты потребовала никого не подпускать к брату?

— Потому что рядом с моим начальником люди падают с крыш, а по его офису бегают незнакомцы.

— Ты попросила охрану раньше.

Лера подняла сумку на стол.

— Хочешь написать, что я подозрительна? Пиши.

— Я хочу знать, кого не пропускать к палате.

В его голосе впервые не осталось злости.

Она едва не достала телефон. Уже нащупала боковую кнопку сквозь подкладку. Можно было положить перед ним снимок, дать прочесть две короткие фразы и больше не быть единственным человеком, который обязан каждую минуту выбирать между ужасом и ужасом.

Но на фотографии была Сашина рука. Тот самый пластырь над веной, который она трогала сегодня утром. Снимали рядом. Настолько близко, что можно было коснуться одеяла.

Лера вынула из сумки пачку бумажных платков.

— Корнеева, — сказала она. — Не пускай Корнеева.

— Почему именно его?

— Он знает про лечение. Про деньги. Князев мог послать его за документами.

— Сейчас?

— Раньше. Поручения иногда исполняют и после смерти.

Максим снова взял ручку.

* * *

Когда вопросы закончились, он подвинул к ней протокол.

Лера читала медленно. В документе её страх выглядел безупречно: угроз не поступало, знакома не была, сведениями не располагает.

— Здесь исправь, — сказала она.

Орлов наклонился.

— Где?

— Не «не знакома». «Лично не встречалась». Фамилии я могла слышать.

Он внёс уточнение. Они удостоверили исправление подписями.

Только после этого Максим закрыл папку и выключил запись.

— Теперь скажи не для протокола. Чего ты боишься?

— Бедности. Больничных коридоров. Людей, которые обещают всё устроить.

— Последнее — мне?

— Если подошло.

Он встал и открыл форточку. С улицы потянуло сыростью, пережаренным луком из столовой. Лера вдруг поняла, что голодна до тошноты.

— Ты думаешь, я хочу тебя наказать, — сказал Максим.

— А разве нет?

— За Князева — нет.

— А за ключи?

Он остался у окна.

Четыре года она не произносила при нём этого слова. Теперь оно лежало между ними тяжелее папки, тяжелее кассеты, которую уже унесли.

— Ты могла просто сказать, что уходишь.

— Я оставила записку.

— «Ты заслуживаешь лучшей женщины» — это не объяснение. Это способ выставить меня дураком и ещё оставить за собой благородство.

— Благородство мне не идёт.

— Не прячься за эту дрянь.

Лера стиснула пустую пачку платков. Картон хрустнул.

— За какую?

— За голос, которым ты разговариваешь с его водителями. Ты сейчас не на работе.

— Именно на работе я хотя бы понимала, сколько стоит каждый час.

Максим повернулся.

— А дома не понимала?

Она увидела, как он пожалел о вопросе, но было поздно.

— Дома я считала, сколько осталось до конца месяца. И сколько лекарств можно купить, если отложить квартплату.

— Ты могла мне сказать.

— Ты знал, что Саша болен.

— Не знал, насколько всё плохо.

— Зато Князев знал удивительно подробно.

В кабинете стало слышно, как внизу, у приоткрытой двери, скребёт пол уборщица. Щётка двигалась размеренно, с короткими остановками.

Максим провёл ладонью по затылку.

— Мы уже говорили об этом.

— Нет. Я спросила. Ты не ответил.

— Сейчас мы говорим о твоих показаниях.

Она усмехнулась, но губы плохо слушались.

— Очень удобная у тебя работа. Всегда можно вернуться к вопросам.

Он подошёл к столу, поднял папку и снова положил.

— Я не могу исправить то, чего ты мне не рассказываешь.

— Я не вещь, Максим. Меня не надо исправлять.

Несколько секунд он смотрел на неё, потом кивнул. Не согласился — отступил.

Это было неожиданно больно.

У двери раздался стук. Сотрудник передал Орлову несколько листов и сообщил, что уезжающий со служебного двора фургон попал на наружную камеру. Номер пока не разобрали. Максим коротко поблагодарил.

Лера воспользовалась паузой, чтобы встать. Ноги затекли, и она задела сумкой край стола.

— По Кириллу, — сказал он ей вслед. — Я буду проверять всё отдельно. То, что он подписал, не делает Корнеева невиновным.

— Я знаю.

— Пострадавший ещё в больнице.

— Лечение оплачено.

Максим ничего не сказал.

— Не смотри так. Я понимаю, что деньги ничего не отменяют.

— Понимать мало.

Она поправила ремень на плече.

— Он боялся отца больше, чем полиции.

— Поэтому ты выбрала его?

Лера задержала дыхание, потом выдохнула.

— Да.

Первое честное слово за всё утро оказалось почти неслышным.

Орлов отодвинул стул, освобождая ей проход.

В коридоре она попросила минуту и отошла к окну. Телефон открылся не сразу: палец скользил по экрану. В переписке по-прежнему висела фотография брата. Лера увеличила её, хотя знала уже каждую складку на одеяле.

Саша спал лицом к окну. У кровати стояла знакомая кружка. А на тумбочке, за книгой, лежал белый конверт.

Утром его там не было.

Она вернулась к Орлову.

— Позвони Серову. Пусть посмотрит, нет ли у Саши на тумбочке конверта.

Максим уже доставал телефон.

— Какого?

— Белого. Без марки.

— Откуда ты знаешь?

Лера посмотрела на закрытую папку у него под мышкой. Там была её подпись под словами о том, что никаких угроз не поступало.

— Просто проверь.

Он набрал номер, не отводя от неё глаз.

На этот раз она не отвернулась.

ГЛАВА 6. Обрушенный дом

На этот раз она не отвернулась.

— Серов, поднимись к палате, — сказал он. — Ничего не трогай. Сначала осмотри тумбочку, потом доложи.

Он выслушал ответ и убрал телефон.

— Конверт может быть пустым.

— Может.

— Может быть не для Саши.

— Может.

— Ты собираешься хоть что-нибудь объяснить?

— Когда появится что объяснять.

Максим посмотрел на неё устало, почти без злости.

— Ты понимаешь, что этим делаешь мою работу невозможной?

— Твоя работа и так невозможна. Ты расследуешь убийство человека, который оставляет тебе записки через мёртвых свидетелей.

— Князев пока считается погибшим.

— А ты сам в это веришь?

Вопрос повис между ними. Из соседнего кабинета донёсся звонок телефона, потом раздражённый женский голос:

— Я вам уже сказала, что господина Князева нет!

Максим медленно повернул голову к двери.

— Вот видишь, — сказала Лера. — Даже секретари пока не привыкли.

О

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.